

София Синицкая

ХРОНИКА ГОРБАТОГО

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

Моей матери Диане

Приведённые здесь события – игра воображения скучающего автора. Они не имеют никакого отношения к ходу действительной истории человечества.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Погашен в лампе свет,
и ночь спокойна и ясна,
На памяти моей встают
былые времена...*

*Сакариас Топелмус,
«Млечный путь»*

Просыпался:
Века
Вставали...
Рыцарь, в стальной броне, –
Из безвестных,
Безвестных
Далей
Я летел на косматом коне.

*Андрей Белый,
«Перед старой картиной»*

* Перевод Александра Блока.

Пролог
«ТАРМО»

Первое воспоминание Анны Канерва – это гигантский «Тармо», его нос с круглыми ноздрями и глыбы развороченного льда. Мужчины в котелках, с тросточками разбегаются перед ледаколом. Смельчак на велосипеде чуть не провалился в чёрную воду. «Тармо» мощно идёт вперёд. Люди кричат от возбуждения, лёд трещит и качается под ногами, у всех мокрые штаны и ботинки.

Анна с матерью гостила у бабушки в Хельсинки. Соседи видели, как Урсула с ребёнком в руках кинулась на лёд и принялась метаться в толпе мужчин перед «Тармо», – это вместо того, чтобы спокойно погулять по набережной, съесть мороженое, показать малышке коллекцию финляндских птиц на Правительственной или сходить на Бульварную, 29 в Музей горных пород и метеоритов. У Анны было пальтишко, яркое, как с хрустом откушенный огурец. Все всё видели, донесли старухе, был скандал.

Задыхаясь, женщина бегала под носом у смерти, Анна чувствовала, как колотится материнское сердце, обе визжали от ужаса и восторга. Художник Райконен сделал молниеносный набросок с бортом корабля, мамой и девочкой, прекрасно передал движение, рыжие локоны, зелёное пятно. Эта работа по сей день хранится в запасниках Национальной галереи. Подслеповатый поэт Сурво подумал, что ледокол символизирует ход истории, безжалостную силу Времени, неукротимую власть Рока, и назвать его следовало не «Тармо», а «Фатум». Дама же с букетом, или что там у неё в руках, – это бабочка, летящая к своей гибели. Чихнул, утёрся бородой и пошёл в кондитерскую.

Старуха Канерва сидела под пальмой и глухо ругалась, Урсула плакала, она не могла объяснить, что понесло её на лёд. Печка была очень горячая. Изразцы с геометрическим рисунком напоминали распахнутые глаза. После прогулки и всей этой странной беготни девочка заснула прямо на ковре, к ней под бок с урчанием привалился Илмари. Вечером были гости, подавали пирог с черникой. Мама и бабушка, румяные, весёлые, помирившиеся, пили портвейн. Кто-то усатенький играл на рояле.

Ещё Анне запомнилась страшная история, рассказанная кем-то в бабушкиной гостиной, в этот вечер или в другой, такой же тёплый и музыкальный, – про молодого парня, который ломом уколошил своего дядю Юхана. Юхан Лойс был пасеч-

ником, одиноко жил в избушке на краю леса. Бабушка признавала мёд только от Лойса. Это был тёмно-зелёный, пахнущий ёлкой мёд, старуха мазала себе им голову, чтобы волосы росли лучше. Однажды у бабушки от ужаса облысела макушка – это когда к ней в окно забрался вор, но она героически спугнула его револьвером своего покойного мужа, то есть Анниного дедушки. Шкатулка с фамильными драгоценностями была спасена, зато выпали волосы. Врачи прописали бабушке кучу дорогих лекарств, от которых начал лысеть и затылок. В газете бабушка искала объявления о продаже париков и, к счастью, наткнулась на заметку о волшебных свойствах елового мёда с пасеки господина Лойса.

Бабушка стала его главной клиенткой. Каждую пятницу госпожа Канерва отправляла на пасеку мальчика Матти, который за тридцать пять марок в месяц служил у неё на посылках. Матти приносил от Лойса корзину, забитую банками с еловым мёдом, воском и пыльцой. Всем этим старуха полностью обмазывалась на ночь, утром принимала ванну и уверяла, что чувствует себя прекрасно: мёд согревал её тело, запах убаюкивал, невидимые пчёлы рассказывали сказки леса и насылали приятные сны. А потом господина Лойса прикончил его племянник – за сто марок наличкой и партию папирос.

Все знали этого племянника, иногда он помогал Матти таскать тяжёлые корзины. Был он

спокойный и любезный, а потом в него словно чѐрт вселился: стал говорить людям, что дядя – колдун, заговаривает пчѐл на убийство, взял лом, шарахнул Юхана по голове, выпотрошил кошелѐк и убѐг на болото. Там его нашли полицейские собаки. В суде убийцу защищал талантливый адвокат Розенблюм. Взрослые говорили, что если бы парень не взял деньги, его бы оправдали: пчѐлы Юхана, хоть и не были агрессивными, но действительно вели себя как-то странно, а народ подвержен суевериям – при желании можно понять и простить.

Старуха Канерва была матерью отца Анны. Отец служил в архитектурном бюро, придумывал красивые и полезные здания, однажды помог Аспелину построить банк в виде итальянского дворца. Банк удался на славу, был забит железными ящиками с золотом, их охраняли грифоны и гномы, которых вызвали для этой цели из недр Папулы. Толстая башня на рыночной площади заслоняла собой палаццо. Она была похожа на закутанную в платки торговку овощами Кати Мякинен. Аспелин хотел, чтобы её снесли. Все считают, что Уно Ульберг защитил «Толстую Катерину», но это, конечно, маленькая Анна убедила господ архитекторов не трогать башню, так как она – единственное прибежище рускеальских троллей, которые лишились своих мерцающих малиновым светом волшебных домов из-за людей, устроивших каменоломню.

Вальдемар Аспелин умер спокойно – ему перед смертью кто-то добрый шепнул, что уродину всё

же решили взорвать. Молодые виипурские архитекторы сделали мэтру весёлые поминки в «Толстой Катерине» – ели винегрет и жареную селёдку, пили отличное пиво из местной пивоварни. Они и не думали рушить башню, переделали её в шикарный ресторан и на поминках так отплясывали, что старые бока «Катерины» стали крошиться, а фундамент просел. Когда все уже были пьяные и усталые, скрипач заиграл песню «Над озером». Урсула запела про таинственный шелест камыша, рябь на воде, хмурые тучи и отважных пловцов, которым иногда всё-таки лучше посидеть на берегу. В застеклённые бойницы стучалась метель, рыночную площадь замело, архитекторы утирали слёзы и жарко хлопали рыжеволосой красавице.

У Анны было самое богатое собрание сказок в Виипури, три книжных шкафа, сказки на русском, немецком, финском, на шведском, французском, английском, с картинками и без. Были Андерсен, Топелиус, братья Гримм, сказки Афанасьева и Шарля Перро, несколько изданий «Калевалы», даже самое старое и ценное, с кислым запахом жёлтых страниц. Тома «Тысячи и одной ночи» стояли на верхней полке, в десять лет Анна добралась до них по приставной лесенке и потом долго недоумевала – что за радость бегать до тех пор, пока не поднимется какой-то «уд», и «сосать друг другу языки»?

Библиотеку собрал для Анны отец, он обзавёлся семьёй в почтенном возрасте, но выпивал,

веселился и взбирался на скалы, как молодой. Господин Канерва был большой романтик и патриот, рассказывал детям про душу народа, жестокий рок и родимый край, который на самом-то деле является центром мира, но об этом пока не все догадываются.

У Анны был братец Эйно, у него болела спина, он хромал и не любил путешествовать, к бабушке не ездил, сидел с отцом, читал и рисовал.

– О, край, многоозёрный край,
Где песням нет числа,
От бурь оплот, надежды рай,
Наш старый край, наш вечный край,
И нищета твоя светла,
Смелей, не хмурь чела!*

С сыном на закорках, декламируя Рунеберга**, господин Канерва бежал по тропинкам и прыгал по камням в поисках «прекрасного вида». За ним бежали и прыгали жена, дочка и коллеги. Вот лучшее место – плоские красные камни плавно уходят в воду. Ночью на них, любуясь луной, отдыхали русалки, днём устраивали пикник господина из архитектурного бюро.

Закрыв глаза, прижавшись щекой к тёплому камню, дети слушали плеск воды и весёлые крики

* Перевод Александра Блока.

** Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877) – финский поэт шведского происхождения, писавший на шведском языке стихи национально-романтического содержания.

взрослых. Никакой «светлой нищеты» на пикнике не наблюдалось – была куча самой вкусной еды, пиво и вино лились рекой.

После грандиозного заката собирались домой. Обратный путь Эйно держал на спине у матери. В таинственном свете белой ночи деревья шевелились и перешёптывались, мать шла широким шагом, Анна показывала брату, как бегают по черничнику лисы и медвежата. Очень хотелось, чтобы мать вдруг превратилась в медведицу. Сзади орали песни наклюкавшиеся господа.

Выбравшись из леса, Урсула возьмёт извозчика или «vuokra-auto»*, проедет через мост мимо замка, отвезёт детей домой, уложит в чистые постельки, потрёт Эйно больную спину и сядет плести чёрный платок со снежным узором – у неё триста пар коклюшек и никакого сколка, весь узор в голове. Папаня с коллегами зарулит в пивную, потом в бильярдную датского посланника и, совершенно счастливый, притащится уже на восходе.

* Прокатный автомобиль (*финск.*).

Руна первая

ВГЛУБЬ ВЕКОВ. КРЕЩЕНИЕ В НУОЛЯХ

Давным-давно была похожая история с бего-тнёй по льду: прародительница Урсулы, которую звали Медведица, с дочкой в руках металась по застывшему озеру, соседи видели, донесли, свекровь пришла в ярость, но тут дело обстояло хуже – мать в полынью полезла с малышкой, с головой окунулись в воду.

За месяц до этого, тёплым осенним днём к ним в поганые Нуоли на берегу озера Малью приехал с онежского погоста священник Наум Кулотка. У него не было правой кисти, рука заканчивалась культёй, потерял, видимо, в страшном сражении. Его сопровождали чернецы Илья Говен и Николай Репей. Они проповедовали единое крещение во оставление грехов, а так были похожи на купцов: в теле, весёлые, разговорчивые, в крепкой одежде, на сытых конях.

Кулотка объяснял деревенщинам, что нет нужды пихать в могилы горшки, ножи, рыболовные

снасти: после смерти людей встречает Иисус Христос и снабжает всем необходимым для загробного существования. Надо дунуть и плюнуть, дружить и торговать с Новгородом и, главное, не пускать в Нуоли латинскую гниду Фому Горбатого, который хочет всех поиметь и чужое добро захватить, так что, если увидите, гоните кольями, а детей и скотину одна Богородица лечит лучше, чем все ваши полевые и лесовые вместе взятые.

Кулотка неделю гостил в Нуолях, веселился, ел-пил, что-то продал, что-то купил во славу Божию ко всеобщему удовлетворению, перетёр со старейшинами и с утречка крестил местное население. Махал крестом и лил воду левой целой рукой, а слепней отгонял культёй.

Кулотка сказал Медведице, что ей подошло бы имя Ириния, и купил у неё непромокаемый плащ – самый дорогой из выставленных на продажу.

Погода была прекрасная, обедали на улице. Обглодав до последней косточки жареную утку, Кулотка рыгнул, перекрестился правым своим огрызком, достал мешочек с кусочками бересты и письменными принадлежностями в тряпочке и аккуратно записал, стараясь, чтобы буквы ровно стояли на тёмных чёрточках: «Спасли двести душ в Нуолях, это Стрелково по-нашему, деревня у Малью, то есть Лохань-озера, хороший у них брусничный соус и морошковый с мёдом исключительный, обязательно покупать плащи у Медведицы

Иринии, выяснить, чем пропитывает, почему не промокают. Припугнуть Горбатого, чтобы не пакостил, пусть к убытку готовится, сука».

Под столом кто-то дёргал Кулотку за одежду и со смехом уползал на четвереньках. Священник зевнул, лёг на лавку и сквозь сон немного поговорил с Чудиком, маленьким сыном Медведицы.

- Как твоя мать делает непромокаемые плащи?
- Ей болотный мужик помогает.
- Нет никаких болотных. Есть Святой Дух.

Шерсть в моче вываривает?

- В травах.
- Каких?
- Надо у болотного спросить.
- Не выдумывай. Всё-хх, я сплю.

Чудик остался единственным некрещёным жителем Нуолей. Он спрятался, родители видели, но ничего не сказали, им вся эта затея онежских не очень-то нравилась – почему нельзя спокойно дружить и торговать без привлечения потусторонних сил? Заговаривать воду они и сами умеют. Духи леса с ними в хороших отношениях. Дети сытые, весёлые. Зачем жизнь усложнять?

Кулотка дремал, закрывшись новым непромокаемым плащом. Он был очень плотный, но мягкий и не тяжёлый, насыщенного травяного цвета, пах мёдом, дёгтем и болотцем, одним словом – вещь! Через некоторое время, когда первый мороз сковал реки и озёра, в этом прекрасном плаще вернулся в Нуоли уже не Кулотка, а чернец Говен с отря-

дом шведских крестоносцев. Впереди ехал горбун на великолепном белом коне.

Горбун приказал своим воинам собрать деревенских жителей. Судя по всему, это была та самая гнида, которую следовало встречать кольями. Он говорил с людьми через Говена. Торжественно сообщалось, что крещение, произведённое Кулоткой, недействительно – петь и бормотать надо было на латыни, махать правой рукой, а не левой, и вообще зломудрствующим безручкам таинства совершать строго воспрещается.

– Думаете, вы настоящие христиане? Как бы не так! Вы – фальшивые!

Горбун крикнул, что человек мёртв до тех пор, пока его правильно не покрестят. Рыцари воткнули мечи в землю, уставились на рукоятки и заголосили: «Дома кости лезут грызть собаки, амен!» (так детям слышалось). Горбун привёл священника – толстого человечка с птичьим лицом. Он выглядел не так представительно, как Кулотка. Человечек завёл гнусавые заклинания: всех нуольских срочно перекрещивали, снова поливали святой водой. Чудик опять спрятался. Его отец, бабушка, дяди, тёти и соседи покорно ждали, когда всё это кончится, мать хотела уйти, увести дочку, но ей не дали.

Рыцари ночевали в деревне. В избе Медведицы были на постое Говен и Олаф, последний поспорил с юным оруженосцем Горбатого, дело кончилось дракой, сцепившись, парни катались по земле,

шведы смеялись, местные не вмешивались. Ночью Олаф не мог заснуть, кряхтел и ворочался – кажется, Йон сломал ему ребро. Сделали примочку по рецепту болотного, стало легче. Олаф рассказывал сказки про сову, которая летает задом наперёд, и свирепого единорога – его может усмирить лишь девушка с голой грудью. Этот зверь всех ненавидит. Он очень сильный, похож на горбатую лошадь или корову, может побороть льва и вуивра:

– А вуивр – это водяной змей, приполз из Бургундии, очень большой и могучий, у него во лбу глаз – сверкающий драгоценный камень, Говен, помоги объяснить, как по-ихнему вуивр? Когда вуивр спит, камень тускнеет. Можно подкрасться, камень этот вынуть и продать задорого в Упсале. Только сразу бежать надо. Льва не видел, ничего сказать не могу, врать не буду. Говорят, от его рыка скалы крошатся. А вам, женщина, подошло бы имя Ингегерд.

– Слишком много имён за последнее время. Говен, ты убил Кулотку? Что пыхтишь? Думал, я тебя в другой одежде не узнаю? Олаф, где водится единорог?

– В Чёрном лесу и баварских горах. Людей ненавидит. Зря его Ной на борт взял. Теперь неприятности, на прохожих кидается. Если нет девушки – плохо дело, всех поднимет на рог или затопчет. Девушка должна показать единорогу свою грудь и сказать пару ласковых – сразу впадёт в ступор и отбросит копыта. Вы дочь предупредите.

– Она не пойдёт в Чёрный лес.
– Может, внучек ваших занесёт, не забудьте им объяснить, когда родятся.
– Я скажу моим внукам, чтобы сидели дома. Спокойной ночи!

– И вы спокойно спите. Да, забыл сказать: кровь единорога спасает от любой напасти. Ею можно самую глубокую рану помазать – тут же затянется. Кровь надо в скляночке с собой носить. Если кровью единорога во время боя землю окропить, ваши враги тут же сами себя перебьют.

На бревенчатых стенах и потолке плясали красные тени огненных саламандр, которые резвились среди догорающих поленьев. Мать прижала к себе дочку под одеялом, муж давно храпел, Чудик умолял Олафа рассказывать дальше, Говен бормотал, что не убивал Кулотку, плащ взял, чтобы добро не пропадало.

Утром, когда шведы уехали, Медведица почувствовала, что всё тело у неё горит, особенно жгло лицо и шею – там, куда попала во время вчерашнего крещения заговорённая вода. В глазах у неё темно стало. Кинулась к дочке, показалось, что у ребёнка почернели волосы.

Вот тогда-то и увидели соседи, как бегают по заледенелому Малью Медведица с ребёнком. Ей нужно было окунуться и смыть чужое колдовство. Она выросла на берегу этого озера, всю жизнь пила его свежую воду, все болячки мазала донной глиной, сын и дочка с рождения пахли кувшинками, самым

мощным её оберегом был перстень с крупной жемчужиной, которую прадедушка выловил здесь и подарил прабабушке.

Медведица нашла полынью недалеко от берега, подползла с дочкой к краю, залезла в воду, нащупала дно ногами, погрузилась с головой – надолго, насколько хватило дыхания, потом потянула к себе ребёнка, вместе нырнули.

Свекровь ругалась, муж-маменькин сынок за её спиной делал знаки простить и не спорить, румяная дочка спала у печки с урчащим Котиком. Медведица рыдала, но не потому, что старуха гундосит – она ведь от любви сердится, беспокоится. Было невыносимо, что чужаки ради жадности своей морочат людям голову, отнимают свободную волю, не дают делать главный выбор – в кого и во что верить, с каким «духом» жить и умирать.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА